

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО «ЗАЙЦА»

Поступив в институт, я был счастлив вдвойне. Первое — я студент медицинского! Второе — Рязань в трех часах езды от Москвы, и я могу посмотреть своими глазами все интересные футбольные матчи. Все у меня шло хорошо. Но, как известно, счастье полным не бывает. Всегда находятся кое-какие помехи. И у меня они были.

Билет от Рязани до Москвы стоил три рубля двадцать копеек. Туда и обратно — шесть сорок. Раз в неделю — зимой хоккей, летом футбол. Вход в Лужники — не меньше рубля. Надо что-то пожевать... Короче, что ни поездка, то десять рублей как минимум. А стипендия двадцать пять рублей.

Для полного счастья нужно было найти выход. Идея лежала на поверхности и пришла очень быстро: ездить «зайцем». А что?! Поезжу «зайцем». В конце концов, это же единственный выход, а когда стану врачом, верну все долги государству. Ведь мне нужно бывать в Лужниках? Нужно.

Идея хорошая, однако не новая. Наши студенты на трассе Рязань — Москва и обратно, особенно обратно, не раз попадались и после подолгу объяснялись в деканате. Стоимость билета вычислялась из стипендии, а при повторном случае неудачника снимали со стипендии вообще.

Однако логические выкладки приводили неумолимо к следующему:

А. Не ездить в Москву нельзя. Значит, нужно ездить.

Б. Попадаться нельзя. Значит, нужно не попадаться.

Следуя им, я прежде всего изучил расписание поездов, следовавших через Рязань. Пришлось завести специальную книжку. Зная, что в случае неудачи книжка послужит уликой, я вел записи специальным шифром (в котором вскоре сам стал путаться). Через наш город проходили поезда из Средней Азии, с Урала, с берегов Волги, из средней части России. И все они после Рязани до Москвы нигде не останавливались.

Была еще и электричка, но я ее не признавал средством передвижения. Во-первых, сплошные остановки; во-вторых, на каждый вагон два контролера. Это слишком много для меня, тем более что я их как-то недолюбливал. То ли дело поезд дальнего следования! Утомленные после трех-, четырехдневного пути, пассажиры выходят на перрон в мятых пижамах и спортивных костюмах — поразмяться, подышать воздухом, взять свежие газеты, которые потом и читать-то не будут, попить водички, ну, и, конечно, купить наши знаменитые грибы, о которых говорили: «А у нас в Рязани грибы с глазами — их едят, а они глядят».

Тщательно изучив психологию и внешний вид пассажиров, я приезжал на вокзал к известному часу, предварительно дня два не бреясь. Являлся или в спортивном костюме, или приносил с собой пижаму, которую надевал в большом каменном туалете, красующемся посреди перрона. Если я был в спортивном, то ждал, когда тронется поезд, и с легкой небрежностью прыгал на подножку. Внешний вид и заметная беспечность гипнотизировали проводника, и он охотно подавал мне руку. Если же я был в пижаме, то садился не торопясь в любой приглянувшийся вагон.

Первым делом я направлялся в вагон-ресторан. Заказывал бутерброд и холодный кофе с молоком. Трапезу растягивал ровно на час, до закрытия ресторана. Оставшиеся два часа ничуть не страшили меня. Мужчины в эту пору бреются, женщины прихорашиваются и одевают детей в красивые наряды, проводник собирает постели, а по радио звучат праздничные песни — всегда и во всех поездах одни и те же. Как бы проводники за долгий путь ни изучили своих пассажиров, в такой ситуации тебя не заметят...

Словом, для «зайца» поездка в Москву из Рязани не составляла особой проблемы. Другое дело — из Москвы. Тут нужна была высшая степень изобретательности, иначе тебя ждет стыд и позор, омраченные пребыванием в отделении милиции и объяснением затем в деканате.

План каждой поездки из Москвы я разрабатывал детально.

...Итак, возвращение домой. Из одного вагона я переходил в другой. В каждом тамбуре курил до тошноты. Нужно было переждать, чтобы люди устроились, достали холодных желтых кур, бесчисленное множество яиц, овощей, фруктов. Один проводник разносил чай и постель, другой проверял билеты. Я заглядывал в разные купе. Нужно было найти такое,

чтобы в нем ехали несколько девушек и хотя бы одна старуха. Наконец я находил подходящее. Усаживался, доставал альбом, пристраивался поудобнее и начинал рисовать. Натурой служила какая-нибудь молодая блондинка, которая сначала смеялась, затем краснела и наконец переставала есть. Позировала. Главное, говорил я себе тогда, правильно держать в руках карандаш, чтобы не вызвать подозрения. А рисовать нынче может всякий. Согласитесь, считается позорным, когда художник добивается портретного сходства: для этого, мол, существует фотография, а художник должен «передать душу». И вот в тот момент, когда на бумаге вроде бы прорисовывалась душа блондинки, раздавался стальной голос:

— Ваш билет!

Я молчал, продолжал рисовать, притворяясь глухонемым. Проводник трогал меня за плечо и повторял свое требование. Я овечьими глазами смотрел ему в лицо, изображал убогую улыбку и свободной рукой показывал, что я не только глухой, но и немой. Купе молчало. Соседями овладевало сострадание ко мне.

— Девочки, — нарушала молчание натурщица, — как жалко, такой молодой, такой талантливый... и глухонемой...

— У-у! Немчуря! — восклицал обычно проводник, проверяя у других билеты. — И откуда только берутся? То фотографиями торгуют, а то рисовать начнут.

Купе возражало проводнику. Больше всех усердствовала, конечно, старуха, сидящая в углу. Всем не нравилась жестокость проводника.

Я делал еще несколько набросков. Девушки охотно позировали. Они рассматривали «шедевры», никто не говорил, что непохоже... Искусство...

В Рязани я выходил. У дверей стоял обладатель стального голоса. Желтый флажок в руках.

— До свидания, — тихо говорил я.

Проводник растерянно смотрел на меня, хлопал глазами. Теперь немым становился он...

Вскоре мне надоело ремесло живописца. Каждый раз одно и то же. Рисовать, конечно, нетрудно. Трудно молчать. Безнаказанность портит всякого и приводит к наглости. Я решил прыгать в вагон на ходу поезда, едва тот набирал скорость. За тем я стоял в тамбуре, курил.

— Ваш билет!

— У меня нет билета!

Моя внешняя наглость бесила проводника. Он ведь не знал, что у меня на самом деле поджилки тряслись.

— Как это нет? — Голос его суровел.

— Вот так. Нет, и всё.

— Куда едешь? — Он переходил на «ты».

— В Мичуринск.

Я знал, что через несколько часов после Рязани поезд пройдет Мичуринск.

— Ах, в Мичуринск! — Он ехидно улыбался.

— Да, в Мичуринск.

Перед моим носом вмиг выросла кулак размером с чайник, у которого, казалось, вместо горлышка — фи́га.

— Доедешь ты у меня до Мичуринска, спекулянт паршивый! Вышвырнем в Рязани, как щенка!

Приближалась Рязань. Проводник не отходил от меня ни на шаг. Злорадствовал. Появлялся его дюжий напарник. Вот и остановка. Оба хватили меня за руки. Я не сопротивлялся. Меня выбрасывали, как Паниковского, но я успевал встать па ноги.

— А теперь до Мичуринска добираться пешком, — слышал я голос. — До утра — ни одного поезда. Ха! Ха! Ха!

— Может, в гости зайдем? Я здесь живу. Чайком побалуемся, — говорил я.

Щеки у проводников загорались, как красный свет у семафора.

...Теперь все чаще я прыгал в поезд на ходу. Это становилось правилом.

Поезд едва покидал Москву, как уже темнело. В дверях появлялся проводник с фонарем. Я чувствовал, что попал ему на заметку. Прыгать в поезд дальнего следования на ходу, без вещей — это, конечно, лишний повод для подозрения.

Я переходил в другой вагон. Вдруг меня обгоняли несколько человек с красными повязками. Облава! Красные повязки возникали там и сям. Их становилось все больше. Я пристраивался у окна, курил, стараясь придать лицу выражение обреченности. Так надо было.

— Ваш билет! — спрашивал обычно один из обладателей повязки; двое стояли сзади него.

Я молчал, смотрел в темное окно.

— Вы что, не слышите?

Я медленно поворачивал голову. Вздыхал. (Это нужно было для выражения обреченности, безразличия.)

— Какой билет? — Голос мой едва звучал.

- Какой билет? Обыкновенный. Железнодорожный.
- Эх вы! — вздохнул я и поворачивался к окну.
- Что такое?
- Безобразия!
- Заяц!

Они говорили хором. Подходили еще двое с повязками, одна из них совсем еще юная.

- Пройдемте.

Меня брали за руку. Я шел молча. В купе проводников полно людей с повязками. У всех радостные лица. Еще бы, перед ними живой заяц, да вдобавок стреляный.

- Ваши документы?
- Мне все равно, — едва слышно произносил я.
- Что «все равно»? Я спрашиваю документы.
- Мне все равно, — уныло повторял я.
- Нет, вы посмотрите на этого типа. Еще издевается. —

Повязка замелькала вверх-вниз. Это он жестикулировал.

- Надо его арестовать, — говорил другой.
- Мне все равно. — Я старался сохранить маску обреченности.

— Ребята, а может, у него что-нибудь случилось? — Молоденькая девушка оказывалась догадливее всех.

Мне предлагали сесть.

- Ну, вы хоть можете сказать, куда едете?
- Мне все равно.
- Опять двадцать пять. Да что вы заладили: «Мне все равно, мне все равно...»?
- У меня рак, — выпаливал я, вздыхая.
- Что-о?! — Это хором.

Все усаживались. Проводник куда-то исчезал и вскоре возвращался с чаем.

— Пейте, — ласково предлагал он. Вопросы сыпались со всех сторон.

— Рак. Был я сегодня у профессора Юрия Ивановича Ухова (такого профессора нет, а есть мой однокашник), он у меня признал рак. Бродил, бродил я по Москве и сел в первый попавшийся поезд. Мне все равно.

Боже мой, до чего все люди добрые, отзывчивые, хорошие! Это они случайно на улице хаят, а так — очень хорошие. Как они меня успокаивали! Каждый вспоминал по нескольку случаев, когда врачи ошибались. Да и вообще, говорили они, что знают эти врачи?.. Заставляли меня пить чай. Успокаивали,

аргументируя свои доводы наличием моих толстых щек. Доброта трогала меня, брала за душу. Мне было очень стыдно, и однажды я решил никогда больше не использовать этот жестокий вариант.

Как-то у Дворца спорта в Лужниках я встретил однокашника.

— Ты что здесь делаешь? — спросил я.

— Как что? Первенство мира тебе не шутка... Ты тоже на волейбол?

— А как же... Слушай, ты на чем приехал?

— На электричке. А что?

— У тебя сохранился билет?

— Не знаю, сейчас посмотрю... Вот он. А зачем тебе?

— Да так. Коллекционирую.

Вечером я сидел в купе и читал журнал, держа его на коленях. Грыз билет, тщательно следя, чтобы не съесть отметку о дате. Мусор сыпался на страницы журнала.

— Ваш билет.

— Ой! — Стараясь выглядеть рассеянным и даже жалким, я показывал контролеру огрызок билета. — Простите. Вы понимаете... Я... У меня... Я, честное слово... Дурная привычка с детства.

— С детства, говоришь? А ну дай мне! Меня не проведешь. — Он взял огрызок, поднес к глазам, пробурчал: — Да, число сегодняшнее. Вы что это, молодой человек, грызун?..

В купе смеялись.

— У меня дурная привычка. С детства. Вот посмотрите, — я достал записную книжку с обгрызенными углами (это я еще во Дворце спорта старался), — однажды паспорт сгрыз, еле сменили. Не хотели менять. Ходи, говорят, без паспорта.

— Лечиться надо.

Смех не утихал.

Контролер погладил пятерней мои волосы, довольный тем, что рассмешил пассажиров.

Если рассказывать, так всё. Расскажу и еще об одной уловке. Вечером я поджидал отправления поезда. Наконец эта минута наступала... Поезд трогался с места и набирал скорость. Пять метров, пятнадцать. Я всё на перроне. Двадцать метров. И тогда я срывался с места, как спринтер. Через минуту догнал последний вагон. Проводник помогал взобраться. Стоя рядом, я все хотел, чтобы он заметил, как мне трудно перевести дыхание.

— Вовремя надо из дому выходить, — говорил он, закрывая дверцу, — поезд не городской автобус: пропустил один, сел на другой. У нас железная дорога.

Я открывал рот, но тут же закрывал его: я должен молчать, у меня ведь одышка.

— А у вас какой вагон? Где ваш билет? — спрашивал он без тени подозрения.

Я лез в карман. Не вынимая руки, спрашивал, забыв об одышке:

— Когда будем в Пензе?

— В какой еще Пензе? Пензенский стоял рядом с нами, он отошел через минуту после нас.

— Да вы что, шутите, что ли? — принимался кричать я, вынимая пустую руку, и рвался к двери.

Проводник хватал меня на лету:

— Вам что, жить надоело? На такой-то скорости!

— Пустите меня! Мне нужно срочно в Пензу. Меня обманули, сказали, что этот поезд идет в Пензу... Пустите меня!

— Да замолчи же ты, наконец, и не рыпайся, все равно уже поздно. До Рязани ни одной остановки. Приедем в Рязань, оттуда вернешься в Москву, а может, из Рязани что-нибудь будет.

— Какая еще Рязань?

А минут через пять мы сидели у него в купе и пили чай. Он рассказывал байки о «зайцах», которых, как он говорил, мог определить сразу из сотни пассажиров. Рассказывал, как однажды разоблачил одного одетого в медицинский халат, — субчик выдавал себя за санитарного врача.

На следующей неделе я уже ехал в белом халате.

...Давно прошли студенческие годы. Я работал на Камчатке. Зарплата была раз в десять больше стипендии студента-медика... И вот однажды, получив отпуск, я оказался в столице. Москва. Милый, родной, дорогой моему сердцу многолюдный Казанский вокзал. Здесь, кажется, все знаешь не хуже архитектора Щусева. Впрочем, как выяснилось, я не знал, где теперь находились кассы пригородных поездов. Нашел их не сразу. Подошел к одной из них.

— Послушайте, — обратился я к пожилой кассирше, — вы понимаете, я...

— Вам куда?

— Мне в Рязань. Но выслушайте, я еще студентом много-много раз ездил «зайцем» и сейчас хочу заплатить за... все...

— Гражданин, вы что, издеваетесь, да? Постеснялись бы моих седин. — Кассирша побледнела, а народ в очереди загалдел. — Вот билет до Рязани, три рубля двадцать копеек, а шутить...

Я взял билет.

В тот же вечер я ехал в Рязань. Долго стоял в тамбуре. Отвык от стука колес. Столько лет я совсем не ездил в поезде. Камчатка, наверное, единственное место, где нет рельсов. Смотрел в окно на знакомые огни. Изредка нащупывал в кармане билет. Мой билет.

У противоположной двери стоял высокий парень в очках. Он лихорадочно курил, как курят школьники в туалете, поглядывал то в окно, то в сторону двери.

Открылась дверь. Грохот от стука колес ворвался в тамбур. Вошли два контролера: мужчина и женщина.

— Ну ладно, Виктор Иванович, — улыбаясь произнесла женщина, — потом поговорим.

Мужчина прошел в вагон. Женщина подошла к парню:

— Ваш билет.

— Что? Сейчас. — Парень явно не знал, что делать с окурком, который он держал в руке. Вид у него был такой, будто, найди он, куда деть окурочек, — и все станет на свое место.

— Ваш билет, — повторила женщина.

Парень, держа в приподнятой руке окурочек, свободной принялся шарить по карманам брюк, пиджака, плаща.

Сразу видно — заяц. Видать, не стрелянный. Мне его было жалко. Я незаметно для них обоих подбросил ближе к нему свой билет. И тут же закричал:

— Да вон твой билет, на полу!

Оба повернулись ко мне, потом посмотрели под ноги. Контролер подняла билет.

— Куда едете? — спросила женщина, глядя на билет.

— В Рязань. — Парень машинально продолжал шарить по карманам. — Я студент, учусь в медицинском.

— Правильно. И здесь написано «Рязань». На! Терять не надо, студент с улицы Бассейной.

Женщина подошла ко мне. Едва она открыла рот, чтобы спросить у меня билет, я вежливо произнес:

— Вы всегда работаете с Виктором Ивановичем?

— Да, но я что-то вас не знаю.

— Пойдемте в купе проводников. У меня к вам есть дело.

— Пойдемте. — Она в недоумении пожала плечами.

Минут через пять я вышел из купе, держа в кулаке квитанцию на тридцать два рубля. Штраф в десятикратном размере.

Подошел к студенту и, не скрывая самодовольной маски спасителя, произнес голосом почтенного профессора:

— Что ж это вы, коллега, «зайцем-то»? Нехорошо. Неприлично. Вы же позорите славную армию медицинских работников.

— Никого я не позорю... Вот мой билет. Нашелся. А этот, я не знаю, откуда взялся. Наверное, кто-то выронил...

Меня сильно качнуло, хотя поезд шел плавно и не дергался даже на стыках.